

18+ Сабит Алиев

Кофе без сахара

Сабит Алиев

Кофе без сахара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42923804

ISBN 9785005001108

Аннотация

Сын сельского доктора отправляется в Москву в надежде получить высшее образование и стать лучшим хирургом столицы. Герой повести, переехав в Москву, вступает в неведомый ему мир, где у него нет ни друзей, ни знакомых, ни крыши над головой. Все испытания он мужественно преодолевает. На пути к победе случайная встреча с таинственной незнакомкой, как стихийное бедствие, вторгается в его жизнь всепоглощающим чувством. Волевой современный человек оказывается неспособным ему противостоять.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Кофе без сахара

Сабит Алиев

© Сабит Алиев, 2019

ISBN 978-5-0050-0110-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Отец улыбнулся, и его лицо обрело привычное серьёзное выражение. Он был мужчиной могучего телосложения, с грубыми чертами лица, с густой тёмной шевелюрой, с большими выразительными светлыми глазами. Когда он давал наставления, всегда стоял уверенно, по-хозяйски говорил легко, не выбирая слов. Но за все годы моей жизни с ним он никогда не заводил разговор об опасностях связи с женщинами. Единственный раз отец затронул эту тему, когда до моего отъезда в Москву оставалось каких-нибудь пять-шесть недель.

Взяв накидку, он вышел на террасу, и я вслед за ним. Мы жили в маленьком доме с выходом в парк – прекрасном сельском местечке, рядом с которым был крошечный садик с яркими цветами. Облака, которые виднелись утром, исчезли с заходом солнца, в воздухе чувствовалась лёгкость. Я любил вечера, проведённые с отцом. Когда он был рядом, я чувствовал себя сильным и мужественным. Люди утверждали, что человек он простой, но грубый, однако грубости я в нём не чувствовал.

Повзрослев, я впервые осознал, насколько большую жертву он перенёс ради моего блага. Я поздний ребёнок, мать умерла при родах. До родов, словно почувствовав трагедию, мать взяла с отца слово, что ни при каких обстоятельствах он

не откажется от меня, и он пообещал ей это. Мы жили вдвоём: отец и я. Он заменил мне мать. Каждый день, будь этот день погожим или дождливым, он провожал меня в школу, а потом в первой половине дня навешал всех больных, живущих в округе. После обеда он оперировал, будучи единственным хирургом в нашем местечке. Помню, как часто среди ночи его вызывали в какую-нибудь богом и государством забытую деревню, куда он добирался верхом.

Всем пациентам отец щедро дарил плоды своего долгого медицинского опыта. Он и был единственным доктором, который мог когда следовало отругать пациентов за то, что им делать не полагалось. Не жалел себя ради блага своего народа, вёл монотонную жизнь, без отдыха, без единого перерыва от начала года и до конца. Он не уставал от своей работы, более того, был благодарен Богу за такую возможность служить людям. Именно благодаря ему большинство пациентов выходили из больницы на своих ногах. Он мог бы похвастаться множеством случаев, когда помогал самым тяжёлым больным вернуться к нормальному существованию. Он возвращал детям отцов, женам – мужей, родителям – детей. Однако все это ему казалось незначительным, ведь пациентов в больнице всегда было больше чем положено.

Никогда не забуду ту нашу откровенную беседу.

Немного помолчав, очевидно, думая, как начать разговор на такую щепетильную тему, он вздохнул и приобнял меня.
– Сейчас я буду давать тебе наставления. Знаю, что ты бу-

дешь удивлён этим рассказом, однако слушай. Твоя мать была беременна тобою, и как раз в это время я влюбился в одну замужнюю женщину, которая жила в нашей местности и была на три года старше меня. Мне было хорошо с ней. Женщина очень часто писала мне любовные письма. Мать, как мне тогда казалось, не знала ничего. Наши встречи проходили втайне от всех. Не знаю, насколько нам это удалось, но с тех пор мне никто об этом не говорил. Однажды вечером во время ужина твоя мать вдруг спросила:

– Ты не собираешься уходить от меня? Просто я хочу сказать, что не выдержу этого...

На этом наш разговор закончился. Я, конечно, был немного ошарашен такой её репликой, понял, что она почувствовала что-то и, будучи мудрой женщиной, намекнула.

Я и без того понимал, что рано или поздно всё заканчивается. В очередной раз, когда мы тайно встретились, я заявил своей возлюбленной, что хочу вернуться к размеренному существованию, прекратить наши свидания и погрузиться с головой в семейную жизнь. Так дальше продолжаться не может. Дальше всё происходило как у всех женщин: рыдания, признания в любви, но увидев, что моё лицо не меняется, она вытерла слёзы и тут же объявила: мол, я слишком грубый, и как только она могла питать ко мне столь сильное чувство? Но, несмотря ни на что, она любит меня, не позволит мне просто так уйти и сделает всё возможное, чтобы не допустить этого.

Дав ей выговориться, я резко подошёл к ней и с силой сжал плечо, но так, что она не почувствовала боли.

– Послушай, – грозно сказал я ей, – не вздумай показывать мне фокусы. Забудь моё имя и не вставляй мне палки в колёса. Держи язык за зубами. Иначе все письма, которые ты мне прислала, отправятся к твоему свёкру, а он занимает авторитетную должность. – Увидев, какой эффект произвели на неё мои слова, я отпустил её. Она шагнула вперёд, дрожа от ужаса, сильно побледнев.

– Ты обещал, что сожжёшь их, – с упреком заявила она.

– Ну ты же не единственная женщина, с которой мне приходилось иметь дело. Меня мудрые старики учили: общаясь с женщинами, всегда ружьё держи в руках. Ты представляешь, каким увлекательным может стать для свёкра чтение твоих писем? – На этом разговор закончился.

– Твой отец неплохой парень, но когда нужно защищать семью, я становлюсь безжалостным, – подвёл отец итог своему рассказу. Никогда не верь женщине до конца и всегда все козыри держи на руках, иначе в нужный момент она устроит тебе такую подлость, что ты вовек не забудешь.

Он отвернулся на какое-то время и замолчал. А я молча опустил глаза.

– Меня часто посещали мысли признаться твоей матери в измене и начать с чистого листа, смотреть ей в глаза прямо. Хотел избавиться от угрызений совести. Но я подумал, как серьёзно пострадает она от моего покаяния. Господь дал мне

мудрость, и я успокоился, решив, что наилучший способ загладить вину – вести себя иначе. Не позволил, чтобы жена узнала эту грустную правду.

Во всех святых книгах говорится: не греши. Мой отец, твой дед, говорил так: не греши, а если согрешил, никогда не раскаивайся, и самое главное, если раскаялся, никогда не рассказывай об этом никому.

Я удивился этой истории, рассказанной отцом ни с того ни с сего, и как-то даже не смог сообразить, что должен ответить. К тому же отец лишь изредка высказывал свои взгляды на жизнь, поэтому тот разговор врезался в память отчётливо и навсегда. Я был тогда юношей, не имевшим совершенно никакого понятия о женщинах. Я не отличил бы даже путану на панели. И с женщинами вёл себя очень скромно, старался выглядеть взрослым, чтобы не показывать своего к ним интереса.

При каждом знакомстве я задавал себе единственный вопрос, а действительно ли этой женщине можно довериться? Так проходили мои дни. Я сохранил надежду, что следующей женщине можно будет верить. Но неудачные попытки подкосили мою уверенность, и с каждым разом я уходил в себя всё глубже и глубже, закрываясь от всех женщин.

Отправляя меня в Москву, отец говорил: «Пока я могу работать, ты учись, не нужно думать о деньгах, стань лучшим врачом Москвы. Дети должны быть лучше, чем их родители, иначе какой смысл в них? А когда напишешь свою био-

графию, одну главу посвяти твоему старому отцу, именно я привил тебе любовь к медицине». Отец был прав.

В этих словах было столько надежды, что я ни по каким причинам не мог разрушить его мечту, я должен оправдать его веру в меня. Я не посмел бы причинить ему такую мучительную боль и обязан был стать лучшим врачом Москвы, преодолев все свои страхи.

Признаться, я не хотел покидать мою солнечную родину и уезжать в холодную Москву. Ведь доктором стать я и так мог бы. Пугала неуверенность, которая одолевала меня с детства. Сколько помню, я всегда казался себе ни на что не способным, неинтересным, не заслуживающим внимания. Малейшая неудача заставляла меня думать о своей ничтожности.

По многим причинам мне сложно было определиться. Отец не давил на меня, просто намекал разными способами. И однажды он вернулся с работы с газетой в руке.

– Эмиль, сегодня один мужчина привёл ко мне свою маму, и, узнав о том, что он живёт в Москве, я рассказал о тебе. Когда они уходили, мужчина передал мне эту газету для тебя, – отец протянул мне газету, – читай. Посмотри, что там написано, – гордо произнёс он, указывая на главную страницу газеты.

«В этой жизни главное неопределённость. Как только ты понимаешь, чего ты хочешь, – жизнь становится ещё тяжелее. Но, это временно. Люди, которые готовы жить без цели

и мечты на протяжении долгого времени, а многие и всей жизни, жалеют об этом в конце её. Выбор всегда остаётся за нами: выйти из зоны комфорта и жить так, как ты желаешь, или продолжать бояться и мечтать».

Прочитав эти слова, я понял, что пора определиться, и тут же решил уехать в Москву, понимая, что отец не успокоится.

За день до отъезда в Москву я нарочно проходил мимо всех домов, где когда-то испытывал первые наивные томления любви, заходил во дворы друзей, будто чувствовал, что вернусь уже другим человеком. Под конец дня я отправился к морю. В этой светлой, прозрачной предвечерней тишине, нарушаемой одним лишь спокойным плеском волн, я почувствовал себя счастливым. И в двадцать один год я покинул отцовский дом.

Меня никто не провожал, да и некому. С отцом попрощались утром перед его работой, он дал мне адрес и сказал, что я могу остановиться там, его друзья позаботились обо мне. А все другие люди – соседи, родственники, не знали о моём отъезде. Я терпеть не могу эту всегда немного лицемерную и всегда театральную комедию прощания с родственниками. Целых полчаса стоишь, напряжённо улыбаешься им, а они говорят театральным голосом бессмысленные фразы, точно предназначенные для публики: «Быстрее приезжай обратно», «Будем скучать», «Москва опасный город», будто им есть дело до меня.

В четыре часа дня отходит поезд. Задолго до этого времени я сел в автобус, мы ехали по песчаной дороге между домами из камня, затем свернули на единственное шоссе, которое вело в Баку. Солнце поднималось выше и выше. В моей голове была только одна мысль: почему я не зарыл в землю все свои детские вещи, чтобы потом в старости, если, конечно, вернусь домой, когда уже ничего не будет удивлять меня, откопать их и унести в самые сокровенные уголки своей памяти.

Я почувствовал, как на глаза навернулись слёзы, и подумал вдруг: люблю эту страну, эту погоду, этих людей, голос женщины, которая пела по радио.

Пассажиров в этот день было очень мало, и прекрасно, думал я с облегчением, в купе я один. Всё обещало спокойное и удобное путешествие. После прохода таможи я уснул с открытым окном, и так крепко, словно не спал много месяцев. Проснулся быстро, умылся, пошёл в ресторан в надежде попить чаю.

Солнечные лучи кругами текли из окон, золотя местами белые скатерти. В ресторане сидела единственная дама: молодая, красивая, высокая, со светлыми тонкими волосами и выбивавшимися из причёски вьющимся прядями. Попивая кофе, она читала книжку – Достоевского, как мне показалось, судя по её уставшему лицу и по объёму книги. Позже я увидел, что это были «Братья Карамазовы».

– Что-то странно знакомая картина, – подумал я. Она

обернулась на мой взгляд и, опустив книгу на колени, грустно улыбнулась. У неё были серо-голубые глаза, нежный рот и тонкая, бело-розовая кожа. Я с каким-то вопрошающим любопытством смотрел на неё, думая о том, что, быть может, мы встречались ранее. Но память не слушалась меня, как я её ни напрягал. Мне не хватило дерзости познакомиться к ней, но эту красивую девушку я запомнил навсегда.

Следующий день, уже на Московском вокзале, на душе становилось отчего-то тревожно, в конце концов я начал дрожать всем телом. Меня охватил страх, но не потому, что меня ожидало что-то страшное, просто таким было моё физическое состояние. Я сел на первую попавшуюся скамейку, чтобы успокоиться. И пошёл по городу, понимая, что улицы, дома и люди совершенно чужие мне.

Проголодавшийся, я зашёл в столовую, заказал еду и уселся в углу. Признаюсь, я был уже немного напуган Москвой, теперь внутри меня сидел страх, страх перед неизвестностью. С первой минуты Москва была похожа на очень большого зверя, который может с лёгкостью проглотить любого.

Несколько мужчин с грязными бородами и двое толстых женщин спорили о том, как много приезжих и сколь недалёк тот день, когда москвичей в Москве не останется. На улице шёл дождь. От их мокрой одежды исходил неприятный запах. В них была заметна мрачная свирепость, как будто они жили среди диких зверей в лесу и в них поселился дух животных.

После я отправился по адресу, данному отцом. По дороге несколько раз спрашивал у людей, как пройти или проехать на улицу Новая Басманная. Москвичи с лёгким презрением молча смотрели на меня, а я улыбался, не понимая, в чём моя вина. Я промок до нитки, испачкался в грязи, и мои волосы растрепались. На моём лице отражался полнейший ужас, а глаза были выпучены от унылой погоды и от людей. Уже в подъезде мне встретились две женщины: одна из них только выходила от неё, другая – собиралась войти. Они начали болтать, загораживая всю ширину лестничного прохода, не замечая меня. Затем, конечно, неохотно уступили мне дорогу.

Взяв носовой платок, я вытер лицо, влажное от дождя и пота. Над дверью я увидел высеченный из пластика номер квартиры – двести один. Взявшись за скобку двери, я несколько медлил и едва переводил дыхание. В нерешительности я даже закрыл глаза на некоторое время, прежде чем дернуть за старый звонок, слушая глухое эхо. Дверь открыли не сразу.

– Да. – Женщина уставилась на меня. Она была старой: кожа свисала с лица, как мягкое тесто, руки были перекручены артритом.

– Отец дал ваш адрес, – медленно заговорил я. – Я приехал в Москву учиться, на доктора, – добавил я не без гордости.

– О, это вы. Сегодня приходили люди, оплатили на год

вперёд за вас, – её глаза немного расширились и вялая дуга рта натянулась, обнажая пустые дёсны. – Заходите.

Оставив дверь приоткрытой, она ушла. Я вошёл, поглядывая на стены, которые были выкрашены в цвет красного дерева, в гостиной стояли несколько кресел и очень старый диван.

– Идёмте за мной, – сказала старуха.

Мы прошли вглубь гостиной и хозяйка указала мне на кресло. Уставший от дороги, я погрузился в него. Она снова удалилась. На большом экране телевизора показывали пьяного президента, а потом как в Москве из танков расстреляли парламент. Какие-то политики призывали к дальнейшей деконструкции Родины, Грозный сровняли с землёй, это ввело народ в нищету. Я обратил внимание на бесцельно бродящую толпу плохо одетых людей с пустыми глазами.

Вернувшись, женщина медленными шагами подошла и села напротив.

– Меня зовут Ирина Александровна. А тебя?

Я два раза повторил своё имя, чтобы она запомнила.

– Вот та крайняя комната твоя. Конечно, там сейчас пыльно, но для студента сойдёт. Перед тем как мыть пол, нужно хорошо подмести комнату. Я уже подготовила тряпку и ведро с водой. После я тебе дам чистую постель и полотенце. Ужин тоже готов, я сварила пельмени.

– Возможно, я перекушу позже, – ответил я.

Вот так началась моя московская жизнь. С Ириной Алек-

сандровой мы подружились сразу.

Как-то она попросила меня, чтобы я измерил ей давление, пригласив меня к себе. Её комната имела необычную форму с изгибами. Узор на обоях состоял из роз, над дверью висело сердце, на комодe аккуратно разложена целая коллекция подарков, наверное, привезённых ей в разное время студентами: крашеное дерево из Африки, фарфор, кованое серебро, ракушки. Удивило меня, конечно же, убранство комнаты и большая кровать. Почувствовав это, хозяйка сказала:

– Кровать – это вся моя жизнь, да и наша жизнь. На ней рождают, abortируют, обожают, балуют, лечат больных и, в конце концов, на ней умирают. Мы просто недооцениваем значения кровати.

А я молча кивал головой в знак согласия. Как-то мне понадобилась булавка, и я спросил, не найдётся ли у неё лишней. Ирина Александровна начала долгий разговор о значении булавки в нашей жизни. Что каждый из нас должен носить булавку с собой, от сглаза. Что это мощный оберег, быть может, даже талисман для каждого. Что булавка отлично защищает от сглаза, от негатива. Важно, чтобы этот оберег купили в пятницу вечером вместе с белой свечой. И ещё более важно, чтобы проделать определённые действия, лучше всего во вторник в растущей фазе луны, чтобы оберег обрёл свойства защиты.

Моя новая хозяйка выходила из дома очень редко: только в ближайшую церковь и в магазин.

Она не только искренне верила в Бога, но и требовала от меня, чтобы я каждое воскресенье ходил в церковь. И на вопрос, зачем мусульманину ходить в церковь, она отвечала, что Бог един, а дома для молитвы разные.

– Я вам очень благодарен, – признался я.

– Речь идёт не о твоей благодарности мне. Есть высший судья, мы все обязаны ему. Тот, кто знает о нас больше, чем мы сами. Мы все грешны, нельзя упорствовать о своём грехе, – ответила она.

Я не мог выполнить то, что от меня требовала хозяйка, хотя бы потому, что для этого у меня не было времени.

– Напоминаю тебе, что завтра воскресенье, – говорила она каждую субботу. Со временем я привык к этой фразе, как рыбак к штормовому сигналу. Признаюсь, мне пришлось несколько раз её обманывать, за что мне сейчас стыдно.

Первое время я не мог привыкнуть к этому большому городу. Я убедился, что Москва это единственный город в мире – во всяком случае, так мне показалось, – который может каждого уничтожить или вознаградить так, что голова от успеха будет кружиться. И ещё, нельзя подстраивать этот город под себя, нужно самому лечь под него.

Я очень тосковал по своей малой родине, по отцу. Часто видел его во сне. Звонил ему через день, рассказывал о своих успехах, и он каждый раз хвалил меня, говорил, как ему скучно без меня, но, что бы ни случилось, я не должен бросать учёбу, всегда должен советоваться с ним. Его слова гре-

ли меня, после общения с ним я чувствовал прилив энергии, мне казалось, что он рядом и видит каждый мой успех.

После первого курса, сдав все экзамены, я полетел на родину к отцу на долгие каникулы, совершенно без денег. Я испытывал угрызения совести от своей расточительности: нужно было бы ехать на поезде, а я летел на самолёте.

Роман, мой однокурсник и единственный друг, часто смялся надо мной, говорил, что я швыряюсь деньгами и пока я не научусь зарабатывать сам, привычка останется. Конечно, я всегда рассчитывал на отца, отец даст мне денег, сколько бы я ни попросил. Он любит меня, и у него доброе сердце.

Я отчётливо помню первый день в отцовском доме. Бродя по комнатам, я часто выглядывал из окна то в парк, то в сад, пытаюсь найти какие-то изменения.

Домработница тётя Фируза, как всегда, была очень разговорчива. Она любила говорить о еде, об одежде и о том, как нынче изменились люди. Разобрав мой чемодан, она разом постирала всю одежду, затем подошла ко мне:

– Ты заметно осунулся. Я думаю, это всё от их заграничной пищи. Тебе теперь нужно поправиться, – сказала она.

Да я и правда изменился. За первый год в Москве я стал бледнее, исхудал, под глазами появились мешки, углы рта опустились. Заметил, что во взгляде моём появилась настороженность. Наверное, по этой причине тётя Фируза ни о чём не стала расспрашивать меня. Приготовив ужин, она ушла. Вечером отец вернулся с работы и мы обнялись.

– Эмиль, как я рад, что ты вернулся. Почему не сообщил, когда приедешь? Устал с дороги? Ты поел? Ты до сентября?

– Каникулы длинные, думаю, до начала учебного года, – ответил я.

– Это отлично.

Я не помнил отца таким довольным и счастливым.

После ужина мы расположились в саду, я рассказывал ему, как прошёл первый учебный год. Отец тоже был выпускником Сеченовской академии, ему было интересно, как с тех пор изменилась Москва, помогли ли мне его друзья. Он сидел в неудобной позе, но внимательно слушал меня, иногда останавливал, просил, чтобы я начал говорить заново и медленно. Вечер прошёл. Из всех углов часы разнообразных систем мелодично пробили двенадцать. Отец потянулся и встал.

– Пора спать, завтра на работу, – похлопал отец меня по плечу, – а ты с дороги отдохни. Завтра продолжим.

Все последующие недели каждый вечер отец просил меня рассказать о чём-то новом, о чём я ещё не успел рассказать.

С друзьями я не встречался, целыми днями читал книги, ел, пил чай и отдыхал. Немного поправился. Каникулы быстро закончились.

Провожая меня с терпеливым сожалением на лице, отец сказал:

– Вчера здравствуй, сегодня прощай. Надеюсь, ты очень хорошо отдохнул и теперь полон сил. Учись.

Он обнял меня, прижал к себе, потом, отпустив, произнёс:

– Ну что, пусть Бог ведёт тебя, доедешь, позвони. Буду волноваться...

Бакинский вокзал в этот августовский вечер, залитый ко-
сыми лучами солнца, пробивающимися сквозь окна, успоко-
ил мою душу. Внутри снова бродил страх перед Москвой.
Поставив чемодан в купе, я отправился в вагон-ресторан. За-
казал чаю, и в это время поезд тронулся.

В Москве я созвонился с Романом. Он мне сообщил, что
сломал косточку в лодыжке, такую малюсенькую, что у неё
даже нет названия. Ему сделали просвечивание и велели це-
лый месяц держать ногу кверху. И полетели все его летние
планы, и он просто вне себя от огорчения. Но есть хорошая
новость: через три дня ему уже можно будет ходить.

Мы встретились с Романом через неделю, он подъехал ко
мне на своей машине и мы решили покататься по ночной
Москве и поужинать в ресторане его близкого родственника.
Он потянулся к ящику на переднем щитке за пачкой сигарет
и достал его:

– Прикури для меня.

Ко мне впервые в жизни обратились с такой просьбой, я
прикурил и мне понравилось.

– Спасибо, ты настоящий друг.

Вот так я начал курить.

За столом собралась небольшая компания представите-
лей их семьи. Разговор шёл о религии. Спорили, обсуждали,

но старались не ссориться. А я молча радовался вкусной еде, смакуя и запивая белым вином.

– Сожалею, что не могу уделить вам должного внимания, – сказал Геннадий Эрнестович, дядя Романа, и ушёл.

В его наружности были все те же черты, что и у Романа, голос был схожим с голосом моего друга, но речь отличалась серьёзностью. Когда мы остались одни, я спросил:

– У тебя в семье всегда говорят о религии?

– Не всегда, но говорят об этом так естественно, как о погоде. Разве нет?

– Для меня это вовсе не естественно.

– Обсуждения на любую тему сближают людей, только, конечно, не надо это доводить до фанатизма. Я агностик и, кажется, говорил тебе, что мой дядя атеист, а все другие немного религиозные. Но мы не навязываем свою веру другому, это просто точка зрения.

– Я вижу в этом что-то крайне неправильное, – ответил я.

В тот вечер я впервые осознал, как мало, в сущности, знаком с Романом, хотя он был моим близким другом.

Часть вторая

Осеннее настроение овладело нами обоими, словно буйное августовское веселье умерло вместе с цветами у меня под окном, чей аромат теперь заменили запахи прелых листьев, тлеющих в куче в углу двора.

Второй курс мы все время проводили вдвоём, настолько оба поглощённые друг другом, что не испытывали нужды в других знакомствах. У меня почти все знакомые были общие с Романом. Теперь мы вместе избавлялись от них, а новых не заводили. Но до ссор и разрывов дело не доходило. Мы встречались с ними так же часто, как и в прошлом году, ходили в гости к ним, но сами не приглашали. Геннадий Эрнестович как-то заметил: «Вас теперь водой не разольёшь. Ваша дружба нравится мне, она без зависти».

Плечистый, кудрявый блондин, обаятельный, весельчак, плейбой, немного хищник, умный, – Роман впрямь был умный, только ум его был редкостного свойства, его, безусловно, нельзя было бы обнаружить посредством современных тестов. Он не сводился к способностям аналитика мыслить и решать поставленные задачи и не отличался особой сообразительностью или остроумием. Это была сверхъестественная способность определить истинную цену других людей, понимать их в полном смысле слова. Он обладал своеобразным видом чутья, присущим опытному барышнику, –

способностью с первого взгляда отличить хорошую лошадь от плохой.

Роман считал свое чутьё первым проклятьем его жизни, он с досадой говорил, что оно мешает ему знакомиться, довериться и жить полноценной жизнью. Кулаком мог врезать лучше всех, когда дрались, и часто меня защищал.

А у меня наоборот, я был слишком доверчив и наивен. Не мог похвастаться своим жизненным опытом. Отец всегда говорил, что на свете больше хороших людей, чем плохих.

Как-то, после второго семестра, летом, мы решили отметить это дело, пошли в ночной клуб «Парк». Мы нашли столик и заказали бутылку коньяка. Коньяк был не в романовском вкусе. Прозрачный, бледный, он был совсем недавнего разлива. Нам подали его в узких, как цветы, рюмках очень тонкого стекла и небольших размеров.

– Виски – единственная вещь, в которой я знаю толк, – сказал он. – У этого пошла никудышный цвет.

Я пожал плечами, потому что впервые пил коньяк.

– Извините, я могу для вас из соответствующего тайника принести заплесневелую бутылку, какие специально держат для особенных людей, – как бы извиняясь, ответил официант.

– Вот это другое дело! – сказал Роман, три минуты спустя болтая в стакане густое, как патока, зелье, оставившее на стекле чёрные ободки. – Они всегда прячут бутылку-другую про запас, надо только поднять шум. Давай ты тоже про-

буй.

– Я вполне доволен этим, – ответил я.

– Ну, не знаю, конечно, кому что нравится.

Он закурил сигару и откинулся на спинку стула, пребывая в согласии с окружающей действительностью; я тоже курил и тоже вкушал мир и покой, но уже совсем в другой действительности. И оба мы были счастливы.

– А где Оксана? – осведомился Роман у официанта.

– Которая?

– Ну, Оксана, хорошенькая. Худая, с большими сиськами, длинноногая брюнетка.

– Здесь работает много девушек, мне недосуг запоминать их имена. Но за отдельную плату могу найти её.

– Дерзайте.

Пока он отсутствовал, к нашему столику подошли две девушки и сели за нашим столом без спроса.

– Угостите нас тоже, – сказала одна из них.

Роман улыбнулся, перевёл взгляд с них на меня, и мы оба мило улыбнулись.

– Пошли, – сказала одна другой, – кажется, они гомики.

Позже официант вернулся с Оксаной и, взяв с нас десять долларов, ушёл. Оксана села, подкрасила губы и посмотрела на нас.

– Я тебя в первый раз вижу, – сказала она мне.

– Да, – ответил я.

– Но тебя я видела не один раз, – обратилась она к Роману.

– Надеюсь, ты не забыла тот январский вечер?

– Конечно, нет. Но почему тебя так долго не было?

– Времени нет. Теперь я учусь на доктора, вот мой однокурсник и единственный друг Эмиль, – показал он на меня.

– Нравится учиться?

– Скорее нет, чем да, – ответил Роман.

Затем Оксана позвала девушек, которые раньше обратили на нас внимание. Девушки повторно сели за наш стол, заказав себе выпивку.

– А не устроить ли нам вечеринку у меня дома, как бы групповуху, – обратилась к нам Оксана.

– Что-то ты слишком разогналась, мы студенты, сказал же тебе. Мой друг Эмиль будет сегодня твоим гостем, – он положил руку на моё плечо. – А с вами, девушки, – обратился он к ним, – в другой раз встретимся.

Чуть за полночь мы взяли такси и поехали к Оксане. Ехали недолго, и вдруг она воскликнула:

– Остановите, дальше пешком.

Мы шли пешком чуть боле пятнадцати минут. Я был пьяный и вечер помню отрывками. Единственный раз, когда я напился в студенческие годы.

Утром я проснулся со смешанным чувством недоумения и испуга в незнакомой комнате и с первой же сознательной секунды ко мне возвратилась память о минувшем вечере. Мне стало грустно, я понял, что секс без любви и чувств – это бессмысленное занятие. Это животный инстинкт. От Ок-

саны осталась только пустота.

Я встал под душ. Прохладная вода струилась по телу, будто смывая вчерашний день. Я глубоко вздохнул, потом завернул кран и вытерся. Утешало только одно: всё, что произошло, больше не повторится. Я запретил себе вспоминать эту чёрную ночь души, которой кончился первый мой опыт общения с женщиной. У меня никогда не было интереса к социально незащищённым женщинам, моя моральная чистоплотность не позволяла приблизиться к ним, но алкоголь сделал своё дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.